

СРЕДИННАЯ КУЛЬТУРА

Давыдов Алексей Платонович — доктор культуры, ведущий научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН

Срединная культура — культурная инновация, возникающая в процессе медиации, новая мера снятия, взаимопроникновения полюсов в процессе осмысления предмета в напряженной сфере между полюсами дуальной оппозиции, преодолевающая ограниченность исходных смыслов. Новый смысл — результат диалога, синтеза смыслов полюсов исходной дуальной оппозиции нравственности. Элементы представления о С.к. появились в русской философии в начале XX в.: в борьбе против утопий, выраставших из крайностей революционного и реакционного максимализма, а также в попытках рассмотрения русской культуры через дуальные оппозиции (Н. Бердяев); в обозначении середины в культуре как результата поиска меры, противостоящей господству хаоса и крайностей (Б. Вышеславцев); в поиске богочеловечности как результата процессов «очеловечения» и «обожения» (С. Булгаков). Как концепция воспроизводства культуры С. к. сложилась в трудах А. Ахиезера. Логика формирования С.к. как поиска новых смыслов, нового содержания сферы между сложившимися смыслами, противопоставит партиципации, инверсии. С.к. — результат критики и самокритики культуры, нацеленной на поиск нового смысла, ценностей. Формирование С.к. основано на отрицании абсолютности сложившихся смыслов, на их конкретизации. С.к. возникает и воспроизводится на основе возрастания ценности личности, конкретно-историческая способность которой к критике своей сущности и воле к самоизменению является мерой сущности личности и С.к. Она возникает во всем теле культуры в процессе ее осмысления и переосмысления. Значимый элемент С.к. возникает в традиционном обществе как диссидентство, нарушение спокойствия, ересь, самозванство, как противоречие и раскол сложившегося уровня единства. Затем С.к. может стать предметом массового освоения. Развитие, рост С.к. происходит в результате существенного роста творческой активности человека, его способности к выживанию. Выход к ценностям либеральной суперцивилизации превращает С.к. в возрастающую

ценность, в культурную норму, она приобретает статус явления равносвятного, равноправного, а возможно, и сакрального. В истории осмыслений и переосмыслений С.к. возникает как синтез небесного и земного, трансцендентного и имманентного, абсолютного и относительного, происходит расширение сферы медиации. Важнейшим достижением С.к. в истории человечества стало признание способности разума. Благодаря этому в западной культуре в эпоху Ренессанса (XII–XVI вв.) образовались сферы С.к., в которых возникли фундаментальные направления эстетики и философии, способствовавшие расцвету личности. Ренессансная тенденция в эстетике и философии в западной культуре получила дальнейшее развитие в XVII–XX вв. через рост интеллектуального индивидуализма и индивидуализма в искусстве. Одним из важных путей расширения С.к. до масштабов эстетики всей культуры на Западе стало переосмысление значимости любви мужчины и женщины. Мера любви из абстрактных областей: любви человека к Богу, идее, человеку вообще, перешла в область любви мужчины и женщины и уважения прав личности. Медиация привела к оправданию любви красотой, красоту одухотворила любовью и понятие любви и красоты как формы абсолютного сделала необходимым для человека. Если в эпоху Средневековья одним из основных аспектов любви был грех, то в развитии С.к. представление о любви приобрело форму синтеза небесного в земном, то есть в высшей степени нравственного, как новая мера сущности и альтернатива потусторонности. Результатом развития способности формировать С.к. является также создание сферы медиации в области важнейшего средства нравственного оправдания представления о Боге и божественном. Четко обозначилась тенденция оправдания опосредования божественного в высших земных целях индивидуума, которые имеют для него метафизический характер. Ренессансно-реформационная тенденция как оправдание «человека медиационного» оказалась точкой роста мировой культуры, которая постепенно построила в странах Запада сферы С.к., расширила их до масштабов всей западной культуры, превратила культуру Запада в специфическую сферу С.к. в мировой культуре и из этой сферы распространилась и продолжает распространяться сегодня по всему миру. Возрастание значимости рефлексивной модальности требует нравственного оправдания. Западная культура ищет в сфере между Богом и человеком третий, переходный, срединный, богочеловеческий смысл как оправдание рефлексии и творчества в человеческой повседневности. Поэтому в условиях Запада (и все более в других культурах мира) срединная интерпретация божественного как способная включать в себя человеческое становится важнейшим средством развития культуры. Россия демонстрирует господство противоположной динамики: разведение Бога на небеса и человека на грешную землю. Поэтому в России интерпретация божественного как партиципация к потусторонности, исключаящая из себя человеческое, направлена против развития С. к. Несмотря на то,

что Россия не знала культурных форм Ренессанса и Реформации, элементы С.к. в ней развивались как альтернатива господству инверсии. Начиная с Петра I, ставшего плотником, ученым, врачом, купцом и т.д., дело, производство, наука, рациональная рефлексия стали той областью, где произошёл синтез двух антагонистических уровней русской культуры: помазанник Божий, воспринимавшийся в массовом сознании Богом, стал мастером, а мастер стал Богом, родился новый высший идеал — нравственность дела; и потому, что царь помазанник божий стал деловым человеком, и потому, что дело стало царевым-боговым, профессия, мастерство приобрели статус царственности-божественности, они стали нести в себе высшую нравственность. Абсолютное в сознании русского человека стало измеряться глубиной относительного. Царь-плотник создал прецедент, который указывал на земное как на единственную подлинную область свободы. В России возникла С.к. в форме представления о высшем профессиональном мастерстве как синтезе дела и высшей нравственности: появились высшая нравственность профессионализма и свободного религиозного выбора. Возникла нравственная основа превращения человека из объекта потусторонней воли тотема в реального субъекта. Наиболее продвинутые формы С.к. в России складываются не столько в экономике и политике, хозяйственной и политической жизни, сколько как результат литературной деятельности в тончайшем слое элитарной культуры. Значимая С.к. развивалась в основном через формирование индивидуализма литературного образа и, следовательно, через развитие художественной литературы, читающей публики и литературного языка. Срединность как специфический анализ человеческой реальности и как принцип развития культуры складывалась в XIX в. в мышлении Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Островского, Чехова. Развивалась способность критики абсолютизации сложившихся смыслов культуры, поиска в сфере между полюсами дуальной оппозиции новых смыслов, формируя тем самым нового субъекта культуры, способного через рефлексию повышать уровень медиации и на этой основе преодолевать раскол в культуре. Медиационная логика этих писателей несёт социокультурную программу, которая проявляется в критике человека как человека инверсионного и выдвижении в культуре России медиационной альтернативы. Эти писатели, осваивая сложившуюся русскую культуру, отказались абсолютизировать ее ценности. В отличие от религиозных и народнических мыслителей, они сумели понять смысл преодоления ее соборно-авторитарной формы и логику ее воспроизводственного процесса через ценность индивидуализма. В элитарной культуре от Пушкина до Чехова и до ученых, писателей и бардов конца XX в. за 200 лет сложилась связь времен, сформировалось срединное, пушкинско-чеховское мышление, противостоящее и державно «симфонической» религиозности и соборно-державному атеизму. Диссидентская логика этого мышления, сегодня все более смыкающаяся с диалогизмом и медиационной методологией, проникающая в методологию науки и художественного творчества, становится выразителем способности найти новую меру сущности, понять и преодолеть раскол в культуре России, перейти к срединному, почвенно-либеральному идеалу, к диалогу небесного и земного в повседневном человеческом.

ческий анализ человеческой реальности и как принцип развития культуры складывалась в XIX в. в мышлении Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Островского, Чехова. Развивалась способность критики абсолютизации сложившихся смыслов культуры, поиска в сфере между полюсами дуальной оппозиции новых смыслов, формируя тем самым нового субъекта культуры, способного через рефлексию повышать уровень медиации и на этой основе преодолевать раскол в культуре. Медиационная логика этих писателей несёт социокультурную программу, которая проявляется в критике человека как человека инверсионного и выдвижении в культуре России медиационной альтернативы. Эти писатели, осваивая сложившуюся русскую культуру, отказались абсолютизировать ее ценности. В отличие от религиозных и народнических мыслителей, они сумели понять смысл преодоления ее соборно-авторитарной формы и логику ее воспроизводственного процесса через ценность индивидуализма. В элитарной культуре от Пушкина до Чехова и до ученых, писателей и бардов конца XX в. за 200 лет сложилась связь времен, сформировалось срединное, пушкинско-чеховское мышление, противостоящее и державно «симфонической» религиозности и соборно-державному атеизму. Диссидентская логика этого мышления, сегодня все более смыкающаяся с диалогизмом и медиационной методологией, проникающая в методологию науки и художественного творчества, становится выразителем способности найти новую меру сущности, понять и преодолеть раскол в культуре России, перейти к срединному, почвенно-либеральному идеалу, к диалогу небесного и земного в повседневном человеческом.

Е.Н. Яркова

НАЦИОНАЛИЗМ И УТИЛИТАРИЗМ В РОССИИ

Материал подготовлен при поддержке РГНФ,
грант №03-03-00090а

Яркова Елена Николаевна —
доктор философских наук,
профессор кафедры философии
Тюменского государственного университета

Национализм — понятие амбивалентное, предполагающее диаметрально противоположные интерпретации. П. Б. Струве, например, квалифицировал истинный национализм, как присутствующую в душе всякого искреннего, живо и глубоко чувствующего человека, любовь к родине(1). Однако даже такое позитивное прочтение не лишает национализм присущей ему двойственности — и любовь к родине может носить не только созидательный, конструктивный, но и разрушительный, деструктивный характер. Негативные потенциалы национализма хорошо иллюстрирует знаменитая «лестница В. С. Соловьева»: «национальное самосознание — национальное самодовольство — национальное самообожание — национальное самоуничтожение» (2).

Одним из значимых способов превращения национализма в разрушительную силу является абсолютизация национальной традиции, интерпретация ставших национальных форм культуры как раз и навсегда данных, неизменных образцов деятельности и социального взаимодействия. Заго-